

Н. А. Добролюбов

La confession d'un poete

Par Nicolas Semenow, Paris, 1860

(Исповедь поэта)

Сочинения Николая Семенова. Париж)

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах

М., "Художественная литература", 1987

Том третий. Статьи и рецензии 1860-1861. Из "Свистка". Из лирики

Примечания Е. Буртиной

OCR Бычков М. Н.

Все, что написано по-французски, принадлежит, собственно, к французской литературе и потому по-настоящему не должно бы иметь места в русской библиографии. Но мы питаем большую нежность к нашим соотечественникам, на каком бы языке они ни говорили, и никак не хотим уступить их иноземцам. Г-н Кокорев, граф Соллогуб, Наркиз Атрешков, Николай де Жеребцов, инженер-полковник Комаров и другие французские литераторы из русских¹ остаются постоянно близки нашему сердцу не менее тех русских писателей, которые простирают свое презрение к иностранным языкам до того, что Blinde Kuh переводят "слепая корова"...² Наш патриотизм так велик, что никакой язык, даже язык статей г. Аполлона Григорьева³, не помешает нам тотчас признать нашего соотечественника, где бы мы его ни встретили, не только в Париже, но даже в первом и третьем отделении Санкт-Петербургской Академии наук⁴. Не упрекайте же нас за намерение разбирать в числе русских книг французское сочинение г. Семенова.

В отношении к этому автору мы имеем, впрочем, и другие причины, почему обращаем на него внимание. Главная причина та, что нам жаль юный (может, он и старый, но из учтивости всегда говорится -- юный) талант, до сих пор не нашедший себе достойной оценки. Представьте себе, молодой российский юноша ощутил вдруг призвание к творчеству и неразлучное с ним стремление к славе. Он горит желанием раскрыть свою душу пред целым миром. Россия, как ни огромно ее протяжение, тесна для него, удивления семидесяти миллионов, говорящих по-русски, мало ему... Он хочет заявить себя пред Европой, он желает поразить блеском своего гения весь образованный мир. И вот он прибегает к всемирному языку -- сочиняет книжку по-французски, спешит в Париж, печатает свою рукопись в великолепной типографии Дюбюиссона в Rue-Соq-Негон, может быть самой литературной из парижских улиц, нечто вроде Армянского переулочка в Москве⁵,-- отдает свою книжку на попечение г. Amyot, разделяющего с Франком любовь наших соотечественников⁶, и ждет, что заговорит о нем Европа. Он имеет все шансы для прославления своего имени: лучшие из соотечественников прочтут его по-французски скорее, чем если бы он писал по-русски; в мнении каждого порядочного русского роман его будет заранее выигрывать 50 процентов уже потому, что он идет из Парижа и, кроме того, сокровища таланта русского автора доступны теперь для удивления всех образованных людей Европы; но особенно важно то, что новое французское творение должно вызвать похвалы парижской прессы; а так как известно, что журналистика всего мира повторяет то, что говорится в Париже, то, без всякого сомнения, имя г. Семенова скоро разнесется во все концы вселенной и прогремит в обоих полушариях.

Так, конечно, рассчитывал юный романист и, может быть, в мечтах своих возносился уже выше Вандомской колонны⁷, против которой помещается книжный магазин г. Амьё, его издателя. Судите же, каково должно быть его разочарование: прошло около года после издания его романа, и никто не заикнулся о нем. Парижская пресса прошла его молчанием, и он может рассчитывать разве попасть в будущий "Annuaire des deux Mondes"⁸, который с особенной любовью занимается состоянием русской науки и литературы, считая в числе главных ее представителей гг. Лешкова и Луганского⁹, или, как он выражается, Leschkoff и Louganski. Г-н Семенов ждал всемирной славы, а ее-то и нет... Мало того, и сама Россия осталась до сих пор в неведении о творении, давшем Европе новое доказательство русского гения. Русские журналы заняты были поздними сожалениями о том, что Россия потеряла г-жу Свечину, столь благотворительно действовавшую на развитие истинной цивилизации за границей;¹⁰ но никто не пожалел о том, что русские читатели, не знающие по-французски, лишены счастья познакомиться с талантом г.